

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

И.К. Масалков, канд. филос. наук, доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

КЛИНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА

Социальное неравенство отражает сложившуюся систему отношений в обществе. В статье рассматриваются специфические черты деградации социальных отношений в разных сферах. В анализе существующих неравенств в российском обществе наблюдается четкая тенденция к комплексному подходу. Экономический подход выносит на рассмотрение в первую очередь вопросы об особенностях распределения богатств и доходов. Социологический подход позволяет расширить поле обсуждения, высветить взаимосвязь экономики и социальной политики, поляризацию социальной структуры. Эмоция является специальным механизмом тела, необходимым для регулирования наших отношений с другими людьми, окружающим миром.

Ключевые слова: критическая социология, клинический подход, парадоксальные послания, социальная патология, шизофреническое поведение, страх, стыд, гнев.

Social inequality refers to relational processes in society. In article are considered specific features of the degradation of social relations in different areas. In the analysis of the existing inequalities in the Russian society has been a clear trend for an integrated approach. Economic approach considers features of the distribution of wealth and income. Sociological approach expands the field of discussion and highlights the relationship of economic and social policies, the polarization of the social structure. Emotion is a special mechanism of the body needed to adjust our relations with others, with the world.

Key words: critical sociology, clinical approach, social pathology, paradoxical messages, schizophrenic behavior, fear, shame, anger.

Лозунги свободы и равенства были начертаны на знаменах революций многих эпох. Признание той или иной степени справедливости неравенства и его допустимых размеров остается и сегодня в центре идеологических баталий. Проблематика неравенства затрагивает и самих социологов: какие акценты они будут расставлять и кого будут видеть в качестве адресата. А. Хесли (А.Н. Hasley) указывает¹, что только 3% социологов Франции голосуют за консерваторов. Девять из десяти социологов утверждают, что они умеренно

* Масалков Игорь Константинович, e-mail: home@home.soc.msu.su

¹ <http://www.contrepoints.org/2013/04/26/122706-les-inegalites-sociales-ne-sont-pas-des-injustices#fn-122706-3>

или крайне левые. Политизированная асимметрия не внушает большой уверенности в объективности получаемых результатов.

Существующие в российском обществе неравенства также становятся объектом анализа, в котором наметилась явная тенденция использования комплексного подхода. *Экономический подход* выносит на рассмотрение в первую очередь вопросы об особенностях распределения богатств и доходов между индивидами или между социальными группами, делая акцент на статистическом измерении неравенства. Сугубо экономический аскетичный взгляд с позиций статистики указывает на неравномерность в распределении богатств и доходов. В рамках рыночной экономики эти неравенства занимают особое место, потому что они создают основу, хотя и не единственную, на которой динамично развивается множество социальных неравенств. В качестве примера можно указать возникающие в результате этого неравенства по обладанию достойным жильем, по доступу к качественной медицине, к образованию.

С момента начавшейся в России перестройки социологи начали констатировать вопиющие случаи очевидного неравенства: децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), по данным Росстата, начиная с 1991 г. регулярно возрастал, а в 2013 г. приблизился к 17, а по некоторым экспертным оценкам и к 30. По данным ежегодного рейтинга самых богатых людей, публикуемого журналом “Forbes”, Москва в начале XXI в. стала мировой столицей миллиардеров, отобрав пальму первенства у Нью-Йорка. В то же время почти половина из тех, чей душевой семейный доход ниже прожиточного минимума, — это люди, работающие в государственном секторе, в том числе учителя, врачи, работники сферы культуры и преподаватели вузов. К еще более бедным слоям населения следует отнести безработных, пенсионеров, семьи с инвалидами и семьи с одним родителем.

Среди причин высокого децильного коэффициента принято выделять несколько главных:

- развитие частного предпринимательства с его серыми схемами ухода от налогов;

- продолжающаяся практика “разбазаривания” (дикая приватизация) национального достояния, поощряемая правящей элитой.

В Швеции и Норвегии, как в наиболее благополучных с социальной точки зрения странах Европы, в целях сохранения социального мира между бедными и богатыми децильный коэффициент регулируется государством на уровне 4,0—5,0. Для России явление социального неравенства не ново. В советские времена существовала привилегированная системная номенклатура, но различия в доходах были значительно ниже, чем сегодня. Минимальный разрыв

в уровне доходов наблюдался в 1980-е гг., когда децильный коэффициент волевым порядком регулировался в пределах 3—5. Советская власть регулировала социальное расслоение тарифно-квалификационными справочниками и Уголовным кодексом².

Процесс дальнейшего расслоения населения России по доходам не закончен и сегодня. Разрыв увеличивается между Москвой, самым благополучным городом в России, и регионами: средняя заработная плата в столице почти в два раза выше, чем в области. Кроме того, есть значительная дифференциация заработной платы при равной профессиональной квалификации от одной отрасли к другой. Лидируют финансовая и нефтедобывающая отрасли. На уровне всей Западной Европы нет такой вопиющей разницы в зарплатах между менеджерами и рядовыми работниками. Кризис показал, что на некоторых российских предприятиях зарплату людям могли не выплачивать месяцами, а бонусы топ-менеджерам выдавались в больших размерах.

Социологический подход позволяет расширить поле обсуждения, высветить интерактивную кумулятивную взаимосвязь экономики и социальной политики, лежащую в основе поляризации социальной структуры и нагнетания напряженности. В российской социологии тематика неравенства стала особо актуальной в последние двадцать лет, когда начали проходить глубокие социально-экономические преобразования: полностью изменились рынок труда, структура и источники доходов. Безработица стала массовым явлением, увеличились различия в доходах и заработной плате.

Пространство социальных неравенств, которое собственно и является объектом социологии, многомерно. Неравенство одновременно отражает реальность доступа не только к экономическим ресурсам (доход, размер имущества), но и к социальным и политическим ресурсам (условия жизни, образование, здравоохранение, доступ к власти), а также и к символическим (ученые звания, правительственные награды, номера автомобилей). Оно принимает различные формы и постоянно обновляется в силу структурных экономических, технологических, идеологических изменений общества.

Особого внимания заслуживает социальное конструирование неравенства. Самым печальным социологическим фактом современной России является то, что большие различия в доходах начинают быть принятыми в обществе. На первое место выходят стратегии индивидуальной адаптации с опорой на семью и выстраиванием сетей связей. В российском обществе на фоне растущей роли денег, коррупции и дефицита доверия, как ни парадоксально, лояльность рассматривается как важнейшее качество и основа отношений

² Основные показатели социально-экономического развития СССР. М., 1989.

между людьми. Личная преданность считается более важной, чем соблюдение закона.

Факты истории говорят о том, что как только децильный коэффициент достигает 10, в стране появляются условия для социально взрывоопасной ситуации: недовольные таким положением дел граждане могут выйти на улицу и захотят сменить существующий режим. В случае же России создается впечатление, что основная масса населения смирилась с существующим положением. Она опять не замечает реформу пенсионной системы, как не заметила призывов к удвоению ВВП, к отказу от “нефтяной иглы”, к инновационному развитию и т.д.

Общественное мнение уже давно констатирует, что с распределением доходов в России много несправедливостей, которые надо исправить. Владимир Путин во время избирательной кампании на пост президента в 2012 г. не смог обойти молчанием тему “опасного” уровня социального неравенства в стране. Сегодня среди наиболее обсуждаемых мер, которые позволили бы снизить децильный коэффициент до 10, можно выделить следующие:

1) необходимость введения прогрессивной шкалы налогообложения, по которой богатые будут платить до 30%³;

2) строгое соблюдение в соответствии с действующим законодательством декларирования доходов чиновниками и членами их семей;

3) принятие закона, по которому уход от уплаты налогов наказывается тюремным сроком;

4) введение ограничения на кратность зарплаты между руководителями и рядовыми работниками не только в государственном секторе, но и в частном;

5) предоставление больших возможностей профсоюзам для отстаивания интересов работников: сделать более открытой информацию об истинном социально-экономическом положении предприятия, пересмотреть процедуру организации забастовок.

Актуальность разработки политики сокращения социального неравенства ставит перед российской социологией целый ряд задач:

1. С большим вниманием относиться к тому, что мы понимаем под неравенством в современном обществе. Представление о неравенстве варьирует от одной социальной группы к другой в рамках одного и того же общества, от одной страны к другой. Оно также может варьировать в зависимости от экономической, социальной и политической конъюнктуры. Первым шагом в социологической рефлексии может быть более глубокая проработка понятий “ра-

³ Французский актер Жерар Депардьё объявил, что налоговая ставка на его доходы в 2011 г. составляла 85%. Более либеральная Германия конституционно запретила налогообложение более 50%.

венство”, “различие” и “неравенство”. Все ли различия следует считать неравенствами? При каких условиях различие становится неравенством? Неравенство чаще всего определяется как различие в доступе к дефицитным ресурсам. Здесь можно поспорить с Ф. Дюбе, который утверждает, что имеет место “своего рода социологический закон, в соответствии с которым почти все различия становятся неравенством”⁴. С нашей точки зрения, верным будет утверждение, что неравенством становится различие в доступе к имеющим высокую ценность редким социальным ресурсам.

2. Изучать, как конструируется и регулируется социальное неравенство в обществе, понимаемом как некоторая социальная целостность: поддерживаются ли неравенства или имеет место стремление их сократить?

3. Наконец, придать большую значимость эпистемологической рефлексии проводимых социологических исследований неравенства, включить ее в учебные программы.

4. Социологи должны более активно принимать участие в публичных обсуждениях, сделав проблему неравенства повесткой дня не только у экономистов, но и у политиков и философов. Различия в подходах конкурирующих между собой исследователей приводят к различиям и в выводах. Например, социологический подход у наших французских коллег ближе к марксистской классовой концепции.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что решение вышеперечисленных задач подразумевает разработку сравнительной социологии глобального масштаба.

Измерение неравенства. Анализируя проблему неравенства, нельзя не осознавать трудности его измерения, в частности в связи с наличием различных дисциплинарных подходов к его определению. Имевший место до недавнего времени скорее описательный подход экономистов через статистику вводил в заблуждение, поскольку давал лишь частичное представление о реальности, акцентируя внимание лишь на распределении материального продукта. Неравенство всегда многомерно, поэтому стало ясно, что необходимо пересмотреть подходы к выбору показателей и расширить круг источников.

Постоянное расхождение между чувственным восприятием неравенства (акцент на “*чувстве неравенства*”) и результатами статистического анализа вызывает дополнительные вопросы. Какие виды неравенства мы будем измерять? Какие группы населения мы будем сравнивать? Этот выбор никогда не бывает нейтральным. Если *абсолютная бедность* характеризуется состоянием, при котором

⁴ Dubet F. Les places et les chances. Repenser la justice sociale. P., 2010.

человек или семья не могут удовлетворить свои основные потребности в пище, одежде, жилье, то *относительная бедность* определяется с учетом уровня жизни в данном обществе. Она характеризуется неспособностью достигать среднего для данного общества уровня качества жизни или поддерживать его. Относительная бедность существует на всех уровнях развития общества и на всех этапах его эволюции.

Клинический подход к изучению неравенства в социологии. Социологическое исследование может принимать различные формы. Клинический подход в социологии реализуется через исследование действием, через исследование, в котором социолог находится в центре социальной практики и среди ее акторов. Сильная включенность исследователя в социальную практику сразу же поднимает вопросы о власти, свободе дискуссий в публичном пространстве. Одна из основных идей клинического подхода — это объединение ученых и других заинтересованных сторон в вопросах изучения трудных жизненных ситуаций и работы с ними, что требует от социологов активной гражданской позиции.

С точки зрения социолога изучение социального неравенства и связанных с ним закрытых и полузакрытых общностей предполагает гибкость в подходах, мягкость в общении, осторожность в использовании полученной информации, конфиденциальность в работе. Идея глубокого проникновения в субъективный мир человека и активного воздействия социологического сообщества на социальные процессы формировалась в рамках клинического подхода постепенно. Последний заключается в том, чтобы подойти *“как можно ближе к жизненному опыту акторов”*⁵, чтобы понять, как они проживают события, как они чувствуют себя (в своей телесности, своей психике) и что они могут об этом рассказать. Понимание и объяснение в социологии тесно связаны.

Клинический взгляд на субъективную составляющую позволяет по-новому посмотреть на неравенство и те теневые стороны нашей жизни, которые стоят за ним. В качестве примера одной из них можно назвать потребление наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях. В Российской Федерации на сентябрь 2013 г. число наркоманов оценивалось правительством в 8,5 млн человек, или примерно 5,9% населения⁶. Другое явление, обнажающее “изнанку” существующего строя и дающее определенную оценку происходящим событиям в обществе, — самоубийство. По официальной статистике, в отдельные годы активной пере-

⁵ Gaulejac V. de., Taboada-Léonetti I. La lutte des places. P., 1994.

⁶ См.: Буланова Н. Колкий взгляд: правительство считает наркоманами десятую часть трудоспособных россиян. URL: <http://www.newizv.ru/society/2013-09-18/189150-kolkij-vzgljad.html>

стройки убивали себя до 55 тыс. россиян⁷, и Россия по числу самоубийств была на первых местах в мировых статистических отчетах.

Каковы же предпосылки столь печальной картины? Исследования подтверждают проявление социального неравенства в самых разных сферах нашей жизни и как следствие деградацию социальных отношений.

1. В ситуации форсированной либерализации экономики происходит ускорение процессов расслоения общества одновременно по нескольким полюсам. Децильный коэффициент еще не стал головной болью ни политической элиты, ни менеджеров предприятий. Опыт западных стран, а теперь и России показывает, что в группы социальных исключений попадают не только люди из традиционно неблагополучных слоев, но даже те, кто еще вчера мог находиться в менеджерах среднего звена. В сфере труда происходит замыкание каждого на самого себя, губя существующие коллективы и ожесточая борьбу за рабочие места. Непрерывно усиливается проявление таких симптомов, как чувство ущемления на работе, стресс, профессиональное истощение и рост числа профессиональных заболеваний.

2. Усилиями СМИ правящая элита стирает память о Советском Союзе, о социальной защищенности населения того периода.

3. Видя безнаказанную порочность и беспомощность власти, люди ощущают свое бессилие, потому что уже не знают “под какой смысл подстраиваться”, но при этом сталкиваются с постоянными изменениями, с быстрыми переменами. У них нет времени выполнить или оспорить одно предписание, как появляется следующее.

В подобных условиях ухудшения восприятия жизни одни россияне начали выходить на оппозиционные митинги, другие, и их, к сожалению, большинство, стали воровать или спиваться. Наркомания, пьянство, и уход из жизни — все это черты прогрессирующей у нас на глазах социальной патологии. Как социологи мы наблюдаем еще одно крайне опасное явление — подмену реального действия фикцией, замену конкуренции политических партий политикой бурной имитации движения вперед. В сознании людей возникают какие-то парализующие блоки, запрещающие им участие в массовых протестах. Среди наиболее значимых можно назвать следующие:

1) страх, связанный с угрозой жестокого разгона проводимых несистемной оппозицией митингов и “маршей несогласных”;

2) понимание большинством населения бессмысленности любого проявления недовольства;

⁷ <http://prognoz.org/article/statistika-samoubiistv>

3) инстинктивное осознание сложности ситуации в стране и страх спровоцировать катастрофу.

Любой из этих вариантов плох, потому что *страх*, помноженный на готовность к ситуационному локальному перевозбуждению, ведет к самоуничтожению. Отнюдь не противопоставляя эмоциональное и рациональное, социологи начали увязывать их между собой. Чувства здесь важны для анализа не менее слов, так как они могут одновременно “затронуть” то, что в реальности является наиболее глубинным вплоть до интимно переживаемого, что позволяет описать, объяснить, передать другим реальность мира. Социологи вслед за психотерапевтами осознали необходимость изучения эмоциональных состояний и работы с ними. Речь идет об эмоциональных состояниях, переживаемых в трудных жизненных ситуациях, которые зачастую перерастают в проблемные, кризисные. Представление об эмоциях как об имеющих мобилизующую и/или дезадаптивную функции в социуме открыло для социологов новую страницу исследований.

Хотя человек с давних пор стремился овладеть своими эмоциями, российские социологи только сейчас начинают говорить о субъективности и пока довольно робко об эмоциях, о социальных последствиях аффективной жизни субъекта. С позиций современной социологии эмоции — это особый механизм тела, необходимый для регулировки наших связей с другими, с миром в целом. Эмоциональное выражение первичнее, а язык появился позже. Эмоции “дозаправляют” организм дополнительной энергией для того, чтобы противостоять тем или иным трудностям, активно реагировать на них одним из двух основных способов — борьбой или бегством⁸.

Еще Ш. Монтескьё отводил ведущую роль в жизни и функционировании общества человеческим страстям и среди них такой эмоции, как страх. Социологи также научились видеть у человека проявление этой социальной эмоции: страха потери своего социального “Я”, страха сойти с ума и др. *Страх* — это важная с точки зрения социолога эмоция, которая переживается человеком как чувство незащищенности и неуверенности в собственной безопасности. У человека возникает ощущение, что ситуация выходит из-под контроля. Недостаточный самоконтроль может приводить отдельного человека или группу к глупым и опасным социальным поступкам. Страх является следствием травматического опыта субъекта, который он приобретает в течение жизни. Это состояние отчасти можно считать полезным, поскольку оно предупреждает об опасных ситуациях. Эмоция страха становится опасной или разрушающей лишь в наиболее высших и длительных проявлениях.

⁸ См.: *Аргайл М. Радость // Психические состояния / Под ред. Л.В. Куликова. СПб., 2000.*

Гнев также является важной эмоцией. Непосредственной причиной гнева К. Изард считает боль, т.е. для активации чувства гнева достаточно одного ощущения дискомфорта. Голод, усталость, стресс, несправедливые действия окружающих могут вызвать у человека гнев, об истинных причинах которого он не догадывается. Гнев может подавлять страх или другую сильную эмоцию, которая возникает у человека как реакция на неожиданное изменение ситуации. Человек в данном случае испытывает чувства разочарования и безнадежности, и важным здесь становится не столько действие или событие сами по себе, сколько их интерпретация человеком, т.е. прежде чем рассердиться, человек возлагает на кого-то или на что-то вину. Дж. Эйверил⁹ в своих исследованиях выделил и другую важную функцию гнева, отмечая, что последний создает готовность к действию, но не заставляет нас действовать. Действие, совершаемое в гневе, представляет собой сочетание эмоционального перевозбуждения и когнитивной оценки ситуации.

И, наконец, *стыд*. Возникновение у человека чувства стыда связывают с негативной идентичностью. Стыд порождается прежде всего чувством обесценивания в обществе. В основании чувства стыда лежит связь, которая соединяет каждого индивида с его референтной социальной группой. В этой связи вспомним стыд, связанный с социальной исключенностью — безработицей, инвалидностью, низкой зарплатой.

С точки зрения социологии возникает весьма существенный для самого носителя эмоции стыда вопрос, и этот носитель должен определить свою позицию¹⁰:

1. Считать, что источник проблемы находится в нем самом, в его неосознанных желаниях, в его внутренней “психологической” проблеме.

2. Считать, что стыд является следствием социального положения. Эта позиция втягивает человека в конфликт с самим собой. В таком случае возникает необходимость воздействовать на сами социально-экономические процессы.

Французские социологи констатируют следующее: пытаясь на психологическом уровне решить проблему, генезис которой социален, мы рискуем сделать индивида бессильным и виноватым¹¹.

Подводя итоги анализа ситуативных особенностей эмоциональных состояний, отметим:

1) роль эмоций в механизмах поведения в трудных ситуациях на индивидуальном и групповом уровнях может быть тройкой. Эмо-

⁹ *Averill J.* Studies on anger and aggression: implications for theory of emotions // Amer. Psychologist. 1983. N 3.

¹⁰ *Gaulejac V. de.* Les Sources de la honte. P., 1996.

¹¹ *Castel R.* Les métamorphoses de la question sociale. P., 1995.

ции выступают как индикатор трудности, оценка значимости ситуации для личности, фактор, приводящий к изменению поведения в той или иной ситуации¹²;

2) имеет место детерминированность генезиса эмоций со стороны социума;

3) модели поведения деструктивного характера связаны с негативными эмоциями — страхом, гневом, стыдом, виной, обидой. То, что человек является их носителем, часто им самим не осознается. Варианты здесь могут быть самые разные, но неизменным остается один факт: в критических ситуациях предвосхищающая функция эмоций может заблокировать эвристическую функцию, а эмоциональная память вывести человека на неконструктивные стереотипы;

4) живущие веками в той или иной семье и вытесненные в подсознание чувства страха, гнева, стыда, вины или обиды становятся важной составляющей болезненных взаимоотношений в социуме, причиной различного рода нарушений — алкоголизма, наркомании, рака, излишней критичности, неоправданной жестокости.

Особый интерес в предлагаемом контексте обсуждения неравенств и связанных с ними отрицательных моментов нашей жизни могут вызвать рассуждения о клинике “парадоксальных посланий”, которые могут еще больше осложнять негативные эмоциональные состояния. В их основе лежит идея “двойной связи” (*double bind*), которая впервые была озвучена в 1956 г. Г. Бейтсоном в свете разработки теории шизофрении. Г. Бейтсон подробно изучал серьезные нарушения общения на уровне семьи, когда одновременно высказываются противоречивые послания. Пример такого предписания: “Приказываю тебе не выполнять моих приказов”. Кроме того, запрещено говорить или даже высказываться о том, что приказание запутано, противоречиво и обязательно.

Парадоксальные послания несут в себе очень серьезный травмирующий эффект. Они создают у получателя ощущение тупика, так как приходится выбирать между двумя неприемлемыми вариантами. В ответ с нами что-то происходит: наше сознание раздваивается, мы тупеем, “тормозим” и т.д. Иными словами, вышперечисленные условия создают систему отношений, в которых жертва становится шизофреником. Под воздействием парадоксального послания человек обречен в межличностных отношениях на один из трех описанных Дж. Нардонэ и П. Вацлавиком вариантов шизофренического поведения¹³:

¹² См.: Анципов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник. М., 1999.

¹³ См.: Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: краткосрочная стратегическая терапия. М., 2006.

1. Кататония, когда у человека отключаются мозги и он как бы впадает в ступор.

2. Гебефрения — своеобразная “дурашливость”.

3. Паранойя — мысли о том, что все вокруг желают зла, преследуют, что провоцирует страх.

Российский социум испытывает огромное влияние парадоксальных посланий. Мы говорим одно, а делаем другое. Мы скрываем от других, а порой и от самих себя свои чувства. Мы что-то утаиваем, все время выкручиваемся в надежде на выгоду или всю жизнь жертвуем настоящим ради мифического будущего.

В концепции “двойного послания” шизофрения (раздвоение личности) рассматривается не как болезнь конкретного индивидуума, но как определенная системная модель отношений в обществе, в котором все участники негласно приходят к согласию поддерживать подобные отношения¹⁴. Шизофрения является крайним средством поддержания сплоченности группы, пытающейся противостоять чему-то несовместимому в нашей жизни. В сфере же общественно-политического дискурса мы оказываемся перед лицом имеющегося несоответствия — диссонанса между тем, что видим, и тем, что “должны были бы” видеть или испытывать. В такой ситуации “двойного послания” обыватель рискует оказаться наказанным или почувствовать себя виновным (“безумным”). Подобные примеры, в которых люди не в состоянии выстроить элементарные логические цепочки, связывающие причины и следствия, мы можем видеть в настоящее время не только в сфере политического дискурса, но и в административных учреждениях, на предприятиях.

Итак, сегодня в сознании социологов возникает риторический вопрос о способности политической и бизнес-элит России развернуть страну в сторону от разрастающихся неравенств и создаваемых ими патологий. Потенциальный застой может вести к дальнейшей деградации общества, а затем обернуться мощным социальным взрывом, эмоциональным и беспощадным по отношению к отдельным социальным или этническим группам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анциупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник. М., 1999 (*Ansiupov A.Ja., Shipilov A.I.* Konfliktologija: Uchjebnik. M., 1999).

Аргайл М. Радость // Психические состояния / Под ред. Л.В. Куликова. СПб., 2000 (*Argajl M.* Radost' // Psihicheskie sostojanija / Pod red. L.V. Kulikova. SPb., 2000).

¹⁴ См.: *Бейтсон Г.* Экология разума. М., 2000.

- Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000 (*Bejtsjon G. Jekologija razuma. M., 2000*).
- Бубер М. Вина и чувство вины // Моск. психотерапевтический журн. 1999. № 1 (*Buber M. Vina i chuvstvo viny // Moskovskij psihoterapevtičeskij zhurn. 1999. N 1*).
- Буланова Н. Колкий взгляд: правительство считает наркоманами десятую часть трудоспособных россиян. URL: <http://www.newizv.ru/society/2013-09-18/189150-kolkij-vzgljad.html>
- Горянина В.А., Масалков И.К. Преображение жизненных ситуаций: эффективные психосоциальные технологии. М., 1999 (*Gorjanina V.A., Masal'kov I.K. Preobrazhenie zhiznennyh situacij: jeffektivnye psihosocial'nye tehnologii. M., 1999*).
- Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950 (*Dekart R. Strasti dushi // Dekart R. Izbrannye proizvedenija. M., 1950*).
- Джемс У. Психология. М., 1991 (*Dzhems U. Psihologija. M., 1991*).
- Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. VI. Социальные деформации. М., 2005 (*Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental'naja sociologija: V 15 t. T. VI. Social'nye deformacii. M., 2005*).
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб., 2001 (*Kunicyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. Mezhlíčnostnoe obshhenie. SPb., 2001*).
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971 (*Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy, jemocii. M., 1971*).
- Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: краткосрочная стратегическая терапия. М., 2006 (*Nardonje Dzh., Vaclavik P. Iskusstvo bystryh izmenenij: kratkosrochnaja strategičeskaja terapija. M., 2006*).
- Орлов Ю. Размышление обиды // Психол. консультация. 1997. № 1. С. 41—53 (*Orlov Ju. Razmyshlenie obidy // Psihologičeskaja konsul'tacija. 1997. N 1. S. 41—53*).
- Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. М., 1991 (*Orlov Ju.M. Voshozhdenie k individual'nosti. M., 1991*).
- Основные показатели социально-экономического развития СССР. М., 1989 (*Osnovnye pokazateli social'no-jekonomičeskogo razvitija SSSR. M., 1989*).
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 2. М., 1989 (*Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. T. 2. M., 1989*).
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997 (*Hajdegger M. Bytie i vremja. M., 1997*).
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993 (*Horni K. Nevrotičeskaja lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz. M., 1993*).
- Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм. М., 2001 (*Shutcenberger A.A. Sindrom predkov. Transgeneracionnye svjazi, semejnye tajny, sindrom godovshhiny, peredacha travm. M., 2001*).
- Экспериментальная психология. Вып. 5. М., 1975 (*Jeksperimental'naja psihologija. Vyp. 5. M., 1975*).
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994 (*Jaspers K. Smysl i naznačenie istorii. M., 1994*).
- Averill J. Studies on anger and aggression: implications for theory of emotions // Amer. Psychologist. 1983. N 3.

- Aubert N., Gaulejac V. de.* Le coût de l'excellence. P., 2007.
- Castel R.* Les métamorphoses de la question sociale. P., 1995.
- Dubet F.* Les places et les chances. Repenser la justice sociale. P., 2010.
- Dubet F.* Régimes d'inégalité et injustices sociales // Sociologie. Débats, Penser les inégalités, mis en ligne le 18 octobre 2011. URL: <http://sociologies.revues.org/3643> (consulté le 10.09.2013).
- Gaulejac V. de.* Les Sources de la honte. P., 1996.
- Gaulejac V. de, Taboada-Léonetti I.* La lutte des places. P., 1994.
<http://prognoz.org/article/statistika-samoubiistv>
<http://www.contrepoints.org/2013/04/26/122706-les-inegalites-sociales-ne-sont-pas-des-injustices#fn-122706-3>
- Prokofieva L.* Pauvreté et inégalités en Russie // CERISCOPE. 2012. URL: <http://ceriscope.sciences-po.fr/pauvrete/content/part5/la-pauvrete-et-l-inegalite-en-russie> (consulté le 12.09.2013).
- Shutz W.* Joy: expanding human awareness. N.Y., 1967.
- Spitz R.A.* Hospitalism: an inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood // Psychoanalytic Study of Child. 1945. N 1.
- Wittezaele J.-J.* La double contrainte. L'influence des paradoxes de Bateson en sciences humaines. Bruxelles, 2008.